

БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ. ЭПИЗОДЫ

Сценический вариант романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»

В двух действиях

Действующие лица:

Карамазов Федор Павлович

Иван

Дмитрий

Алеша

Смердяков

Грушенька

Катерина Ивановна

Хохлакова

Лиза

Старец Зосима

Пан Муссялович

Ракитин

Председатель суда

Первый послушник

Второй послушник

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

1. У СТАРЦА

Старец. Говорите без юродства и не начинайте оскорблением домашних ваших.

Кармазов. Обвиняют меня все, все, все! Но позвольте, позвольте, разве не существует суда? Вот этот сын мой, Алексей, плоть от плоти моя, почтительнейший, так сказать, Карл Мор, а этот Дмитрий Федорович, непочтительнейший Франц Мор, против кого и ищу управу. Оба из «Разбойников» Шиллера, а я, я сам в таком случае уж Regierender Graf von Moor!¹

Дмитрий. Недостойная комедия, которую я предчувствовал идя сюда!

Кармазов. Весь город трещит, гремит от его кутежей. Влюбил в себя благороднейшую из девиц и хочет эту крепость золотым ключом отпереть.

1 владетельный граф фон Моор! (нем.)

Дмитрий. Молчать! Не смей марать благороднейшую девицу!

Карамазов. Митя! Митя! Митя! А родительское-то благословение? А если прокляну, что тогда?

Дмитрий. Ложь все это!! Вы меня упрекнуть не можете, потому, что сами меня ревнуете.

Начинают на немецком Шиллер «Разбойники». Все вместе кричат на немецком. Звоночек старца. Успокаиваются.

Дмитрий. Я обманут, я заявляю это всем. Я думал... я думал, что приеду на родину, чтобы лелеять его старость, а вижу лишь развратника и комедианта!

Говорят на немецком наперебой. Старец стреляет в воздух.

Старец. Громко вздыхает. Монахи громко шепчутся.

Голоса. Невозможно, невозможно, невозможно, невозможно.

Старец. Простите! Простите все!

Старец встает, подходит к Мите и опускается на колени перед ним.

Молния. Гром.

Смердяков. Свет создал Господь Бог в первый день, а солнце, луну и звезды на четвертый день. Откуда же свет-то сиял в первый день?

Монах. А вот откуда!

Удар. Смердяков падает. Конвульсии.

Танец Мити.

2. ОБЕ ВМЕСТЕ

Катерина Ивановна. Наконец-то, наконец-то, наконец-то!

Алеша. Брат Дмитрий послал меня...

Катерина Ивановна. Я так и знала. Говорите просто, сразу, что он просил передать?

Алеша. Он приказал ... кланяться, сказал, что больше не придет ...

Катерина Ивановна. Кланяться? Он так и сказал?

Алеша. Да.

Катерина Ивановна. Мельком, может быть, нечаянно, ошибся в слове?

Алеша. Нет, он велел именно, чтоб я передал это слово: «кланяться».

Катерина Ивановна. Стало быть, он не погиб! Это слово означает одну лишь браваду...Он в отчаянии, но я еще могу спасти его. Стойте: не передавал ли он вам что-нибудь о деньгах, о тех трех тысячах, что взял у меня?

Алеша. Это, может быть, всего сильнее убивало его. Он говорил, что лишен теперь чести и что теперь уже все равно. Но разве ... разве вы все знаете?

Катерина Ивановна. Это не любовь, это страсть! Он не женится, потому что и она не выйдет за него... Аграфена Александровна, ангел мой! Подите к нам!

Появление Грушеньки. Катерина Ивановна играет с ней. Раздувает волосы, крутит, ласкает. Драгоценная игрушка. Игра при Дмитрие и для него.

Катерина Ивановна. Я захотела узнать ее, увидеть ее, я хотела идти к ней, но она по первому желанию моему пришла сама. Я так и знала, что мы с ней все решим, все! ... Она, как ангел добрый, слетела сюда и принесла покой и радость...

Грушенька смеется.

Катерина Ивановна. Вот я нижнюю губку еще раз поцелую. Она у нее точно припухла, так вот чтоб она еще больше припухла, и еще, еще... Посмотрите, как она смеется, Алексей Федорович, сердце веселится, глядя на этого ангела...

Грушенька мурлычет.

Катерина Ивановна. Знайте, Алексей Федорович, что мы фантастическая головка, что мы своевольное, но гордое-прегордое сердечко! Мы были несчастны. Был один офицер, мы его полюбили, мы ему все принесли, давно это было, пять лет назад, а он нас забыл, он женился. Теперь он едет сюда, – и знайте, что мы одного его любим до сих пор, а все пять лет эти она была несчастна. Да ведь она даже утопиться хотела.

Грушенька шипит.

Катерина Ивановна. Грушенька, ангел, дайте мне вашу ручку, посмотрите на эту пухленькую, маленькую, прелестную ручку, я вот целовать ее сейчас буду, и сверху и в ладошку, вот, вот и вот!

Грушенька отпрянула.

Грушенька. Да вы-то меня, может, тоже совсем не так понимаете. Давеча я пообещала, а вот сейчас думаю: вдруг он опять мне понравится, Митя-то. Пойду и скажу ему, чтобы он у меня остался... Вот я какая ...

Катерина Ивановна. Давеча вы ...

Грушенька. Ах, давеча!

Катерина Ивановна. Я не ожидала...

Грушенька. Эх, барышня, вы теперь, пожалуй, и разлюбите меня за мой характер. Дайте мне вашу милую ручку, ангел-барышня. Вот я, милая барышня, вашу ручку возьму и так же, как вы мне, поцелую. Вы мне три раза поцеловали, а мне бы вам надо триста раз за это поцеловать, чтобы сквитаться. Ручка-то, ручка-то у вас милая, ручка-то! А знаете что, ангел-барышня. А вот возьму и ручку-то вам и не поцелую.

Катерина Ивановна. Что с вами?

Грушенька. А так и оставайтесь с тем на память, что вы-то у меня ручку целовали, а я у вас нет.

Катерина Ивановна. Наглая!

Грушенька. Так я и Мите передам, что вы мне целовали ручку, а я-то у вас совсем нет. Как он будет смеяться!

Катерина Ивановна. Мерзавка!

Грушенька. Ах как стыдно, барышня, ах как стыдно!

Катерина Ивановна. Продажная тварь!

Грушенька. Ну уж и продажная. Сами вы девицей к кавалерам за деньгами в сумерки хаживали, свою красоту продавать приносили, ведь я же знаю.

Алеша. Не говорите, не отвечайте, она уйдет, сейчас уйдет!

Грушенька хохочет и уходит

Катерина Ивановна. Это же тигр. Зачем вы удержали меня, Алексей Федорович, я бы избила ее, избила! Ее нужно плетью, на эшафоте, через палача, при народе!.. Но Боже! Он то! Он то!

3. ИНФЕРНАЛЬНИЦА

Дмитрий. Так и не поцеловала ручку! Так и не поцеловала! А та кричала, что это тигр! Что ее на эшафот надо? Да, да, надо бы, надо, я сам того мнения, что надо, давно надо! Понимаю царицу наглости, вся она тут, вся она в этой ручке высказалась, infernalница! Это царица всех infernalниц, каких можно только вообразить на свете! Побегу-ка я к ней!

Алеша. А Катерина Ивановна!

Дмитрий. И ту вижу насквозь, вижу, как никогда! Институточка, которая ко мне, нелепому грубому офицеру, не побоялась из великодушной идеи спасти отца прибежать, рискуя страшно! Но гордость наша, но потребность риска, но вызов судьбе, вызов в беспредельность! «Все, дескать, могу победить, все мне подвластно». Голубчик Алеша, да как ты от них, от этих, спасся? Убежал, что ли, подобрав подрясник? Ха-ха-ха!

4. ЧТО ЭТОТ СОН ЗНАЧИТ?

Ракитин. Что этот сон значит?

Алеша. Не знаю.

Ракитин. Вот теперь и заговорят все святоши в городе: «Что, дескать, сей сон означает?» По-моему, старик действительно прозорлив: уголовщину пронюхал. Смердит у вас.

Алеша. Какую уголовщину?

Ракитин. В вашей семейке она будет, эта уголовщина. Ты сам Карамазов. По отцу сладострастник, по матери юродивый. Чего дрожишь? Аль правду говорю? Знаешь, что Грушенька просила меня: «Приведи ты его (тебя то есть), я с него ряску-то стащу». Если уж и ты сладострастника в себе заключаешь, что же брат твой Иван, единоутробный? Ведь и он Карамазов. От братца Мити невесту себе отбивает. Да еще как: с согласия самого Митеньки, потому что Митенька сам ему невесту свою уступает, чтобы только отвязаться от нее, да уйти поскорей к Грушеньке. Митеньке теперь пересекает дорогу старикашка отец. Влюбился хуже кошки. Ну и столкнутся же они, папенька с сыночком, на этой дорожке. А этого брат твой Иван и ждет, тут он и в малине: и Катерину Ивановну приобретет, по которой сохнет, да и шестьдесят ее тысяч приданого тяпнет.

Алеша. Ты Ивана не любишь. Иван не польстится на деньги. Иван не денег, не спокойствия ищет. Он мучения, может быть, ищет.

Ракитин. Ах вы... дворяне! Ну довольно. Думаешь, что я пошляк?

Алеша. По твоему увлечению я догадался, что ты сам равнодушен к Катерине Ивановне, а потому и не любишь брата Ивана. Ты к нему ревнуешь?

Ракитин. Чего?

5. ЧЕМУ ВЕРУЕШИ?

Иван. Из-за чего ты все три месяца глядел на меня в ожидании? Чтобы допросить меня: «Како веруеши али вовсе не веруеши?» Ведь так?

Алеша. Пожалуй.

Иван. Ну говори же, с чего начинать, приказывай сам, с Бога? Существует ли Бог, что ли?

Алеша. С чего хочешь, с того и начинай.

Иван. У нас с тобой какая задача? Объяснить тебе мою суть? То есть что я за человек, во что верую и на что надеюсь, ведь так? А потому и объявляю, что я принимаю Бога прямо и просто. Принимаю и премудрость его, и цель его, верую в порядок, в смысл жизни, верую в вечную гармонию, в которой мы будто бы все сольемся, верую в Слово, к которому стремится вселенная и которое есть само Бог, ну и прочее и прочее. Слов-то много на этот счет наделано. Кажется, уж я на хорошей дороге – а? Ну так представь же себе, что в окончательном результате я мира этого Божьего – не принимаю. Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира, им созданного, мира-то Божьего не принимаю. Я клоп и признаю, что ничего не с могу понять, для чего все так устроено. О, Алеша, я не богохульствую! Я хочу воскликнуть «Прав ты, Господи, ибо открылись пути твои». Но я не хочу, чтобы мать обнималась с мучителем, растерзавшим ее сына! Не смеет она прощать ему! Есть ли во всем мире существо, которое могло бы и имело право простить? Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно. Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю.

Алеша. Это бунт.

Иван. Бунт? Я бы не хотел от тебя такого слова. Можно ли жить бунтом, а я хочу жить. Разуверься я в дорогой женщине, разуверься в порядке вещей, убедись даже, что всё -беспорядочный, проклятый и, может быть, бесовский хаос, порази меня хоть все ужасы человеческого разочарования – а я все-таки захочу жить и уж как припал к этому кубку, то не оторвусь от него, пока его весь не осилю! Пусть я не верю в порядок вещей, но дороги мне клейкие, распускающиеся весной листочки, дорого голубое небо, дорог иной человек, которого иной раз, поверишь ли, не знаешь за что и любишь. Тут не ум, не логика, тут нутром, тут чревом любишь... Понимаешь ты что-нибудь в моей ахинее, Алешка, аль нет?

Алеша. Слишком понимаю, Иван и рад я ужасно за то, что тебе так жить хочется. Я думаю, что все должны прежде всего на свете жизнь полюбить.

Иван. Жизнь полюбить больше, чем смысл ее?

Алеша. Непременно так, полюбить прежде логики, как ты говоришь, непременно чтобы прежде логики, и тогда только я и смысл пойму. Вот что мне давно уже мерещится. Половина твоего дела сделана, Иван: ты жить любишь. Теперь надо постараться тебе о второй твоей половине, и ты спасен.

Иван. Уж ты и спасаешь, да я и не погибал, может быть! А в чем она, вторая твоя половина?

Алеша. Брат, брат, брат! Ты сам сказал: есть ли во всем мире существо, которое могло бы и имело право простить? Но существо это есть, и оно может все простить, всех и вся и за всё, потому что само отдало неповинную кровь свою за всех и за всё. Ты забыл о нем, а на нем-то и созиждется здание, и это ему воскликнут: «Прав ты, Господи, ибо открылись пути твои».

6. Бульонщик

Смердяков рассматривает ложку.

Послушник 1. Таракан, что ли?

Послушник 2. Муха, может.

Послушник 1. Вишь, барин какой объявился.

Смердяков. Не Вашего ума дело.

Послушник 1. Подлец ты, вот ты кто!

Смердяков. Насчет подлеца повремените-с.

Послушник 2. Бульонщик!

Смердяков. Насчет бульонщика тоже повремените-с.

Карамазов. С чего у тебя припадки-то чаще? Хоть бы ты женился на какой-нибудь, хочешь женю?..

Смердяков. Ни к чему это.

Карамазов. Это он, Иван, для тебя старается. Как ты приехал, он за обедом каждый раз сюда лезет. Чем это ты его заласкал? То-то, брат, вот этакая валамова ослица думает, думает, да и черт знает про себя там до чего додумается.

Иван. Мысли копит.

Карамазов. Видишь, я вот знаю, что он меня терпеть не может, равно как и всех. Да не украдет он, из дому сору не вынесет, кулебяки славно печет, да к тому стоит ли об нем говорить?

Иван. Не стоит.

Карамазов. А что до того, что он там про себя надумает, то русского мужика, вообще говоря, надо пороть. Русская земля крепка березой.

Истребят леса – пропадет земля русская. Я за умных людей стою. Знаешь, что люблю? Я люблю остроумие. В Мокром я спрашиваю старика, а он мне: «Мы очень, говорит, любим девок по приговору пороть и пороть даем парням. После эту же, которую ноне порол, завтра парень в невесты берет, так что оно самим девкам, говорит, у нас повадно». Каковы маркизы де Сады, а? Эх вы, ребята! Деточки, поросляточки вы маленькие, для меня... даже во всю мою жизнь не было безобразной женщины, вот мое правило! По моему правилу, во всякой женщине можно найти чрезвычайно, черт возьми, интересное, чего ни у которой другой не найдешь, – только надобно уметь находить, вот где штука! Это талант! Босоножку надо сперва-наперво удивить – вот как надо за нее браться. А ты не знал? Удивить ее надо до восхищения, до пронзения, до стыда, что в такую чернявку, как она, такой барин влюбился. Знаешь, Алешка, я твою мать-покойницу всегда удивлял. Никогда, бывало, ее не ласкаю, а вдруг, как минутка-то наступит, – вдруг пред нею так весь и рассыплюсь, на коленях ползаю, ножки целую и доведу ее всегда, всегда, – помню это как вот сейчас, – до такого маленького такого смешка, рассыпчатого, звонкого, не громкого, нервного, особенного. Вот тебе Бог, Алеша, не обижал я никогда мою кликушечку! Раз только разве один, еще в первый год: молилась уж она тогда очень, особенно богородичные праздники наблюдала и меня тогда от себя в кабинет гнала. Думаю, дай-ка выбью я из нее эту мистику! «Видишь, говорю, видишь, вот твой образ, вот он, вот я его сниму. Смотри же, ты его за чудотворный считаешь, а я вот сейчас на него при тебе плюну, и мне ничего за это не будет!..» Как она увидела, Господи, думаю: убьет она меня теперь, а она только вскочила, всплеснула руками, потом вдруг закрыла руками лицо, вся затряслась и пала на пол... так и опустилась...

Алеша падает на пол. У него приступ.

Федор Павлович. Алеша, Алеша! Что с тобой, что с тобой! Иван, Иван! скорей ему воды. Это как она, точь-в-точь как она, как тогда его мать! Это он за мать свою, за мать свою...

7. КОНТРОВЕРЗА

Смердяков. Удивляюсь я на вас, сударь.

Иван. С чего ты на меня удивляешься?

Смердяков. Зачем вы, сударь, отсюда не едете-с?

Иван. Э, черт, говори ясней, чего тебе надобно?

Смердяков. Существенного ничего нет-с... а так-с, к разговору...Ужасное мое положение-с, Иван Федорович, не знаю даже, как и помочь себе. Оба совсем блажные-с, оба дошли до самого малого ребячества-с. Я про вашего родителя и про вашего братца-с Дмитрия Федоровича. Вот они встанут теперь, Федор Павлович, и начнут сейчас приставать ко мне каждую минуту: «Что не пришла? Зачем не пришла?» – и так вплоть до полуночи, даже и за полночь. С другой стороны братец ваш с оружием в руках явится: «Смотри, дескать, шельма, бульонщик: проглядишь ее у меня и не дашь мне знать, что пришла, – убью тебя прежде всякого»

Иван. А зачем ввязался? Зачем Дмитрию Федоровичу стал переносить?

Смердяков. А как бы я не ввязался-с? Они сами определили мне своим слугой Личардой при них состоять. Только и знают с тех пор одно слово: «Убью тебя, шельму, если пропустишь!» Наверно полагаю, сударь, что со мной завтра длинная падучая приключится.

Иван. Какая такая длинная падучая?

Смердяков. Длинный припадок такой-с, чрезвычайно длинный-с. Несколько часов-с али, пожалуй, день и другой продолжается-с. Раз со мной продолжалось это дня три, упал я с чердака тогда. Перестанет бить, а потом зачнет опять; и я все три дня не мог в разум войти. Помереть бы мог-с.

Иван. Плетешь ты, я вижу, и я тебя что-то не понимаю, притвориться, что ли, ты хочешь завтра на три дня в падучей? а?

Смердяков. Если бы я даже эту самую штуку и мог-с, то есть чтобы притвориться-с, то и тут я в полном праве моем это средство употребить для спасения жизни моей от смерти.

Иван. Э, черт! Что ты все об своей жизни трусишь! Все эти угрозы брата Дмитрия только азартные слова и больше ничего. Не убьет он тебя; убьет, да не тебя!

Смердяков. Убьет как муху-с, и прежде всего меня-с. А пуще того я другого боюсь: чтобы меня в их сообществе не сочли, когда что нелепое над родителем своим учинят.

Иван. Почему тебя сочтут сообщником?

Смердяков. Должен совершенно признаться, что тут есть один секрет у меня с Федором Павловичем. Если Аграфена Александровна придет, то ты к дверям подбеги и постучи мне в дверь аль в окно из саду рукой два первые раза потише, этак: раз-два, а потом сейчас три раза поскорее: тук-тук-тук. Вот, говорят, я и пойму сейчас, что это она пришла, и отопру дверь потихоньку. А Дмитрий Федорович где появится, так и тут беспременно обязан я им тотчас о том доложить, постучамши три раза. Вот эти самые знаки Дмитрию Федоровичу теперь и стали известны.

Иван. Почему известны? Передал ты? Как же ты смел передать?

Смердяков. От этого самого страху-с. Дмитрий Федорович каждый день напирали: «Ты меня обманываешь, ты от меня что скрываешь? Я тебе обе ноги сломаю!» Тут я им эти самые секретные знаки и сообщил.

Иван. Если думаешь, что он этими знаками воспользуется и захочет войти, то ты его не пускай.

Смердяков. А когда я сам в припадке буду лежать-с, как же я тогда не пущу-с, если б я даже и мог осмелиться их не пустить-с, зная их столь отчаянными-с.

Иван. Э, черт возьми! Почему ты так уверен, что придет падучая, черт тебя побери? Смеешься ты надо мной или нет?

Смердяков. Как же бы я посмел над вами смеяться, и до смеху ли, когда такой страх? Предчувствую, что будет падучая, предчувствие такое имею, от страху от одного и придет-с.

Иван. Что за ахинея! И все это как нарочно так сразу и сойдется: да ты сам уж не хочешь ли так подвести, чтобы сошлось?

Смердяков. Как же бы я так подвел-с... и для чего подводить, когда все тут от Дмитрия Федоровича одного и зависит-с, и от одних его мыслей-с... Захотят они что учинить – учинят-с, а нет, так не я же нарочно их приведу, чтобы к родителю их втолкнуть.

Иван. Зачем же Дмитрию врываться к старику? Говори! Я хочу твои мысли знать.

Смердяков. Сами изволите знать, им совершенно известно, что у Федора Павловича конверт большой приготовлен, а в нем три тысячи запечатаны, под тремя печатями-с, обвязано ленточкою и надписано собственною их рукой: «Ангелу моему Грушеньке, если захочет прийти», а потом, дня три спустя подписали еще: «и цыпленочку».

Иван. Вздор! Дмитрий не пойдет грабить деньги, да еще убивать при этом отца. Он мог вчера убить его за Грушеньку, как иступленный злобный дурак, но грабить не пойдет!

Смердяков. Им очень теперь нужны деньги-с, Иван Федорович. А ко всему тому рассудите, Иван Федорович, что Аграфена Александровна, если только захотят они того сами, то непременно заставят их на себе жениться, самого барина то есть, Федора Павловича-с. Они сами умом очень не глупые-с. Им за голыша, каков есть Дмитрий Федорович, выходить не стать-с. Так вот теперь рассудите сами, Иван Федорович, что тогда ни Дмитрию Федоровичу, ни даже вам-с с братцем вашим Алексеем Федоровичем уж ничего-то ровно после смерти родителя не останется, ни рубля-с, потому что Аграфена Александровна для того и выйдут за них, чтобы все на себя отписать и какие ни на есть капиталы на себя перевести-с. А помри ваш родитель теперь, пока еще этого нет ничего-с, то всякому из вас по сорока тысяч верных придется тотчас-с. Это все отменно Дмитрию Федоровичу известно...

Иван. Так зачем же ты, после всего этого мне советуешь отсюда ехать? Что ты этим хотел сказать? Я уеду, и у вас вот что произойдет.

Смердяков. Я говорил, вас жалеючи. На вашем месте, если бы только тут я, так все бы это тут же бросил... чем у такого дела сидеть-с...

Иван. Ты, кажется, большой идиот и уж конечно... страшный мерзавец! Я завтра в Москву уезжаю, если хочешь это знать, – завтра рано утром – вот и все!

Смердяков. Самое это лучшее-с.

Хохлакова. Получили, получили письмо о новом чуде?

Алеша. Да, получил.

Хохлакова. Распространили, показали всем? Старец матери сына возвратил!

Алеша. Отцу Зосиме очень плохо. Он может не пережить сегодняшний день.

Хохлакова. Знаю, слышала. О, как я желаю с вами говорить об этом! С вами или с кем-нибудь обо всем этом. Нет, с вами, с вами! Но теперь... знаете ли, что у нас теперь сидит Катерина Ивановна?

Алеша. Ах, это замечательно! Она вчера велела мне прийти к ней.

Хохлакова. Я все знаю, все знаю. Я слышала все до подробности о том, что было у ней вчера... и обо всех этих ужасах с этою... тварью. *C'est tragique,*² Я вас ждала! Я вас жаждала! Вы войдите и сами увидите все, что там происходит, это ужас, это самая фантастическая комедия. Это ужасно! Я войду вместе с вами и, если не прогонят меня, дождусь конца.

Катерина Ивановна. На минутку! Я хочу услышать мнение вот этого человека. Катерина Осиповна, не уходите. Здесь все друзья мои, все, кого я имею в мире. Вы, Алексей Федорович, вы были вчера свидетелем этого... ужаса и видели. Вы не видали этого, Иван Федорович, он видел. Слушайте, Алексей Федорович, я даже не знаю, люблю ли я Дмитрия теперь. Он мне стал *жалок*, это плохое свидетельство любви. Если б я любила его, продолжала любить, то я, может быть, не жалела бы его теперь, а, напротив, ненавидела...

2 Это потрясающе (*фр.*).

Хохлакова. Это так! Так!

Катерина Ивановна. Подождите, милая Катерина Осиповна, я не сказала главного. Я чувствую, что, может быть, решение мое ужасно, но предчувствую, что я уже не переменю его ни за что, ни за что.. Иван Федорович, одобряет меня во всем и хвалит мое решение... Он его знает.

Иван. Да, я одобряю.

Катерина Ивановна. Я желаю, чтоб и Алеша, я желаю, чтоб и Алексей Федорович сказал мне теперь же при обоих друзьях моих – права я или нет?

Алеша. Но ведь я ничего не знаю в этих делах...

Катерина Ивановна. Я уже решилась: если даже он и женится на той... твари, которой я никогда, никогда простить не могу, то *я все-таки не оставлю его* ! От этих пор я никогда, никогда не оставлю его. Когда же он станет с тою несчастен, а это непременно будет, то пусть придет ко мне и встретит друга. Я всю жизнь мою буду верна ему, несмотря на то, что он изменил. Я добьюсь того, что он узнает меня и доверится мне. Я буду его Богом, которому он будет молиться. Я буду... Я обращусь лишь в средство для его счастья, и это на всю жизнь, на всю жизнь. Вот мое решение! Иван Федорович в высшей степени одобряет меня.

Иван. Я высказал только мысль, что у всякой другой вышло бы все это надломленно, вымученно, а у вас – вполне натурально.

Хохлакова. Но ведь это только в эту минуту... А что такое эта минута? Всего лишь вчерашнее оскорбление – вот что значит эта минута!

Иван. Так, так, так, но у другой эта минута лишь вчерашнее впечатление, и только минута, а с характером Катерины Ивановны эта минута – протянется всю ее жизнь. Что для других лишь

обещание, то для нее вековечный, тяжелый, но неустанный долг. И она будет питаться чувством этого исполненного долга!

Хохлакова. О Боже, как это все не так!

Катерина Ивановна. Алексей Федорович, что Вы-то молчите? Подле таких друзей как вы и брат ваш, я чувствую себя крепкою... потому что знаю, что вы меня никогда не оставите.

Иван. К несчастью, я завтра должен уехать в Москву и надолго оставить вас.

Катерина Ивановна. Завтра в Москву. Но... Боже мой, как это замечательно... О, не то замечательно, что вы нас покидаете, но то, что вы сами лично, в состоянии будете передать теперь в Москве тетушке и Агаше, все мое положение, весь теперешний ужас мой. О, как я рада... Сейчас, бегу напишу письмо.

Хохлакова. А Алеша-то? А мнение-то Алексея Федоровича, которое вам так непременно желалось выслушать?

Катерина Ивановна. Я не забыла этого, и почему вы так враждебны ко мне Катерина Осиповна? Мне необходимо мнение его, мало того, мне необходимо решение его. Что он скажет, так и будет. Но что с Вами?

Алеша. Я никогда не думал, я не мог этого представить.

Катерина Ивановна. Чего? Чего?

Алеша. Он едет в Москву, а Вы вскрикнули, что рады- это вы нарочно вскрикнули. Вы это нарочно сыграли, как на театре в комедии сыграли.

Катерина Ивановна. На театре? Как? Что это такое? Я не понимаю.

Алеша. Я знаю, что я нехорошо это говорю, но я все-таки все скажу. У меня как будто озарение. Озарение мое в том, что вы брата

Дмитрия, может быть, совсем не любите... с самого начала... Да и Дмитрий, может быть, не любит вас тоже вовсе... с самого начала... а только уважает... Я, право, не знаю, как я все это теперь смею, но надо же кому-нибудь правду сказать... потому что никто здесь правды не хочет сказать...

Катерина Ивановна. Какой правды?

Алеша. А вот какой, позовите сейчас Дмитрия – я его найду, – и пусть он придет сюда и возьмет вас за руку, потом возьмет за руку брата Ивана и соединит ваши руки. Потому что вы мучаете Ивана, потому только, что его любите... а мучите потому, что Дмитрия надрывом любите... внеправду любите... потому что уверили себя так...

Катерина Ивановна. Вы... вы... вы маленький юродивый, вот вы кто!

Иван. Ты ошибся, мой добрый Алеша. Никогда Катерина Ивановна не любила меня! Она знала все время, что я ее люблю, знала, но меня не любила. Я все время только и делал, что выслушивал о любви ее к нему. Я теперь еду, но знайте, Катерина Ивановна, что вы действительно любите только его. И по мере оскорблений его все больше и больше. Вот это и есть ваш надрыв. Вы именно любите его таким, каким он есть, вас оскорбляющим. Если б он исправился, вы его тотчас забросили бы и разлюбили вовсе. Но вам он нужен, чтобы созерцать беспрерывно ваш подвиг верности и упрекать его в неверности. Я не хочу сидеть подле надрыва... Прощайте, Катерина Ивановна. Den Dank, Dame, begehrt ich nicht³

9. ПИСЬМО LISE.

3 Награда не нужна мне, госпожа (нем.) .

Лиза. Алексей Федорович, пишу вам от всех секретно, и от мамы, и знаю, как это нехорошо. Но я не могу больше жить, если не скажу вам того, что родилось в моем сердце, а этого никто, кроме нас двоих, не должен до времени знать. Но как я вам скажу то, что я так хочу вам сказать? Бумага, говорят, не краснеет, уверяю вас, что это неправда и что краснеет она так же точно, как и я теперь вся. Милый Алеша, я вас люблю, люблю еще с детства, с Москвы, когда вы были совсем не такой, как теперь, и люблю на всю жизнь. Я вас избрала сердцем моим, чтобы с вами соединиться, а в старости кончить вместе нашу жизнь. Конечно, с тем условием, что вы выйдете из монастыря. Насчет же лет наших мы подождем, сколько приказано законом. К тому времени я непременно выздоровлю, буду ходить и танцевать. Об этом не может быть слова.

Видите, как я все обдумала, одного только не могу придумать: что подумаете вы обо мне, когда прочтете?

Мой секрет у вас в руках; завтра, как придете, не знаю, как и взгляну на вас. Даже теперь я вся холодею, когда об этом подумаю, а потому, как войдете, не смотрите на меня некоторое время совсем, а смотрите на маменьку или на окошко...

Вот я написала вам любовное письмо, Боже мой, что я сделала! Алеша, не презирайте меня, и если я что сделала очень дурное и вас огорчила, то извините меня. Теперь тайна моей, погибшей навеки может быть, репутации в ваших руках.

Я сегодня непременно буду плакать. До свиданья, до ужасного свиданья. Lise.

P. S. Алеша, только вы непременно, непременно, непременно придите! Lise».

Алеша. Господи, помилуй их всех, давешних, сохрани их, несчастных и бурных, и направь. У тебя пути: ими же веси путями спаси их. Ты любовь, ты всем пошлешь и радость!

10. Сон АЛЕШИ.

Старец. Здравствуй, тихий, здравствуй, милый, вот и ты. И знал, что прибудешь.

Алеша плачет

Старец. Что ты, подожди оплакивать, видишь, сижу и беседую, может, и двадцать лет еще проживу. Встань, милый, дай посмотрю на тебя. Был ли у своих и видел ли брата?

Алеша. Одного из братьев видел.

Старец. Я про того, вчерашнего, старшего, которому я до земли поклонился.

Алеша. Того я вчера лишь видел, а сегодня никак не мог найти.

Старец. Поспеси найти, завтра опять ступай и поспеси, все оставь и поспеси. Может, еще успеешь. Я вчера великому будущему страданию его поклонился.

Алеша. Отец и учитель, слишком неясны слова ваши... Какое это страдание ожидает его?

Старец. Не любопытствуй. Показалось мне вчера нечто страшное... Был такой у него один взгляд... так что ужаснулся я в сердце моем мгновенно тому, что уготовляет этот человек для себя. Раз или два в жизни видел я у некоторых такое же выражение лица... Послал я тебя к нему, Алексей, ибо думал, что братский лик твой поможет ему. Но все от Господа и все судьбы наши. А тебя, Алексей, много

раз благословлял я за лик твой, узнай сие. Мыслью о тебе так: изыдешь из стен сих, а в миру пребудешь как инок. Много будешь иметь противников, но и самые враги твои будут любить тебя. Много несчастий принесет тебе жизнь, но ими-то ты и счастлив будешь, и жизнь благословишь, и других благословить заставишь – что важнее всего. Ну вот ты каков. Ступай, милый. Поспеши. С Богом!

11. ХОЛОДНЫЙ КОФЕ.

Карамазов. Кофе холодный, не потчую. Зачем пожаловал?

Алеша. Узнать о вашем здоровье.

Карамазов. Вздор все это. Напрасно изволил потревожиться. Я так, впрочем, и знал, что ты притащишься... Ну что там у тебя? Что твой старец?

Алеша. Ему очень худо, он, может быть, сегодня умрет.

Карамазов. Иван ушел. Он у Митьки изо всех сил невесту его отбивает, для того здесь и живет.

Алеша. Неужели он вам сам так сказал?

Карамазов. Не зарезать же меня тайком и он приехал сюда? Для чего-нибудь да приехал же?

Алеша. Что вы! Чего вы это так говорите?

Карамазов. Денег он не просит, правда, а все же от меня ни шиша не получит. Я, милейший Алексей Федорович, как можно дольше на свете намерен прожить, а потому мне каждая копейка нужна, и чем дольше буду жить, тем она будет нужнее. Я хочу еще лет двадцать на линии мужчины состоять, так ведь состареюсь – поган стану, не пойдут они ко мне тогда доброю волей, ну вот тут-то денежки мне и

понадобятся. А в рай твой, Алексей Федорович, я не хочу, это было бы тебе известно, да порядочному человеку оно даже в рай-то твой и неприлично, если даже там и есть он. По-моему, заснул и не проснулся, и нет ничего, поминайте меня, коли хотите, а не хотите, так и черт вас дери. Вот моя философия. А на Грушке сейчас женюсь, только захочу. Вот Иван-то этого самого и боится и сторожит меня, чтоб я не женился. Подлец твой Иван!

Алеша. Как вы раздражительны. Пошли бы вы да легли.

Карамазов. Вот ты говоришь это, а я на тебя не сержусь, а на Ивана, если б он мне это самое сказал, я бы рассердился. С тобой только одним бывали у меня добренькие минутки, а то я ведь злой человек.

Алеша. Не злой вы человек, а исковерканный.

Карамазов. А Митьку я раздавлю, как таракана. Я черных тараканов ночью туфлей давлю: так и щелкнет, как наступишь. Щелкнет и Митька твой. *Твой* Митька, потому что ты его любишь. Невеста-то эта, Катерина-то Ивановна, за него идет али нет?

Алеша. Она его ни за что не хочет оставить.

Карамазов. Вот таких-то эти нежные барышни и любят, кутил да подлецов! Каналья он! А Грушеньку все-таки не получит-с, не получит-с... В грязь обращу! Ступай и ты, нечего тебе у меня делать сегодня.

Алеша целует отца в плечо.

Ты чего это? Еще увидимся ведь. Аль думаешь, не увидимся?

Алеша. Совсем нет, я только так, нечаянно.

Карамазов. Слышь ты, слышь, приходи когда-нибудь, поскорей, и на уху, уху сварю, особенную, не сегодняшнюю, непременно приходи!

12. *ЗОЛОТЫЕ ПРИИСКИ.*

Хохлакова. Ждала, ждала! Я вас ждала, подивитесь моему инстинкту, Дмитрий Федорович, я все утро была уверена, что вы сегодня придете.

Дмитрий. Это действительно, сударыня, удивительно, но... я пришел по чрезвычайно важному делу... наиважнейшему из важнейших, для меня то есть, сударыня, для меня одного, и спешу...

Хохлакова. Знаю, что по наиважнейшему делу, Дмитрий Федорович. Тут, тут математика: вы не могли не прийти, после того как произошло все это с Катериной Ивановной, вы не могли, не могли, это математика.

Дмитрий. Сударыня, я в отчаяннейшем положении и если вы мне не поможете, то все провалится, и я провалюсь первый. Простите за тривиальность выражения, но я в жару, я в горячке...

Хохлакова. Знаю, знаю, что вы в горячке, все знаю, вы и не можете быть в другом состоянии духа, и что бы вы ни сказали, я все знаю наперед. Я давно взяла вашу судьбу в соображение, Дмитрий Федорович, я слежу за нею и изучаю ее... О, поверьте, что я опытный душевный доктор, Дмитрий Федорович.

Дмитрий. Сударыня, если вы опытный доктор, то я зато опытный больной, и предчувствую, что если вы уж так следите за судьбой моею, то и поможете ей в ее гибели, но для этого позвольте мне наконец изложить пред вами тот план, с которым я рискнул явиться... и то, чего от вас ожидаю... Я пришел, сударыня...

Хохлакова. Не излагайте, это второстепенность. А насчет помощи, я не первому вам помогаю, Дмитрий Федорович. Вы, вероятно,

слышали о моей кузине Бельмесовой, ее муж погибал, провалился, как вы характерно выразились, Дмитрий Федорович, и что же, я указала ему на коннозаводство, и он теперь процветает. Вы имеете понятие о коннозаводстве, Дмитрий Федорович?

Дмитрий. Ни малейшего, сударыня, – ох, сударыня, ни малейшего! Я только умоляю вас, сударыня, меня выслушать, дайте мне только две минуты, чтоб я мог сперва изложить вам все, весь проект, с которым пришел. Я пришел в отчаянии... в последней степени отчаяния, чтобы просить у вас займы денег три тысячи, займы, но под верный, под вернейший залог, сударыня, под вернейшее обеспечение! Позвольте только изложить...

Хохлакова. Это вы все потом, потом! Да и все, что бы вы ни сказали, я знаю все наперед, я уже говорила вам это. Вы просите какой-то суммы, вам нужны три тысячи, но я вам дам больше, безмерно больше, я вас спасу. Дмитрий Федорович, но надо, чтобы вы меня послушались!

Дмитрий. Сударыня, неужто вы так добры! Господи, вы спасли меня. Вы спасаете человека, сударыня, от насильственной смерти, от пистолета... Вечная благодарность моя...

Хохлакова. Я вам дам бесконечно, бесконечно больше, чем три тысячи!

Дмитрий. Бесконечно? Но столько и не надо. Необходимы только эти роковые для меня три тысячи, а я со своей стороны пришел гарантировать вам эту сумму с бесконечной благодарностью и предлагаю вам план, который...

Хохлакова. Довольно, Дмитрий Федорович, сказано и сделано. Я обещала вас спасти и спасу. Я вас спасу, как и Бельмесова. Что думаете вы о золотых приисках, Дмитрий Федорович?

Дмитрий. О золотых приисках, сударыня! Я никогда ничего о них не думал.

Хохлакова. А зато я за вас думала! Я уже целый месяц слежу за вами с этой целью. Я сто раз смотрела на вас, когда вы проходили, и повторяла себе: вот энергичический человек, которому надо на прииски. Я изучила даже походку вашу и решила: этот человек найдет много приисков.

Дмитрий. По походке, сударыня?

Хохлакова. А что ж, и по походке. Что же, неужели вы отрицаете, что можно по походке узнавать характер, Дмитрий Федорович? Естественные науки подтверждают то же самое.

Дмитрий. Но сударыня, эти три тысячи, которыми вы так великодушно меня обещали ссудить...

Хохлакова. Вас не минуют, Дмитрий Федорович, эти три тысячи все равно что у вас в кармане, и не три тысячи, а три миллиона! Я вам скажу вашу идею: вы отыщете прииски, наживете миллионы, воротитесь и станете деятелем, будете и нас двигать, направляя к добру. Неужели же все предоставить жидам? Вы будете строить здания и разные предприятия. Вы будете помогать бедным, а те вас благословлять. Нынче век железных дорог, Дмитрий Федорович. Вы станете известны и необходимы министерству финансов, которое теперь так нуждается.

Дмитрий. Сударыня, сударыня! Я весьма и весьма, может быть, последую вашему совету, умному совету вашему, сударыня, и отправлюсь, может быть, туда... на эти прииски... и еще раз приду к вам говорить об этом... даже много раз... но теперь эти три тысячи, которые вы так великодушно...

Хохлакова. Довольно, Дмитрий Федорович, довольно! Вопрос: едете вы на прииски или нет, решились ли вы вполне, отвечайте.

Дмитрий. Еду, сударыня, потом... Я поеду, куда хотите, сударыня... но теперь...

Хохлакова. Подождите же! Вот! Вот что я искала! *(Протягивает образок на шнурке)* Это из Киева, Дмитрий Федорович, от мощей Варвары-великомученицы. Позвольте мне самой вам надеть на шею и тем благословить вас на новую жизнь и на новые подвиги. Вот теперь вы можете ехать!

Дмитрий. Сударыня, я так тронут... и не знаю, как даже благодарить... за такие чувства, но... если бы вы знали, как мне дорого теперь время!.. О сударыня, если уж вы так добры, так трогательно великодушны ко мне, то позвольте мне вам открыть... что, впрочем, вы давно уже знаете... что я люблю здесь одно существо... Я изменил Кате... Катерине Ивановне, я хочу сказать. О, я был бесчеловечен и бесчестен пред нею, но я здесь полюбил другую... одну женщину, сударыня, может быть презируемую вами, потому что вы все уже знаете, но которую я никак не могу оставить, никак, а потому теперь, эти три тысячи...

Хохлакова. Оставьте все, Дмитрий Федорович! Оставьте, и особенно женщин. Ваша цель – прииски, а женщин туда незачем везти.

Дмитрий. Сударыня, это не то, не то...

Хохлакова. То самое, Дмитрий Федорович, именно то, что вам надо, чего вы жаждете, сами не зная того... Ах, Боже мой, что с вами?

Дмитрий. Сударыня, вы меня заставите заплакать, сударыня, если будете откладывать то, что так великодушно...

Хохлакова. И поплачьте, Дмитрий Федорович, поплачьте! Это прекрасные чувства... вам предстоит такой путь! Слезы облегчат вас, потом возвратитесь и будете радоваться. Нарочно прискачете ко мне из Сибири, чтобы со мной порадоваться...

Дмитрий. Но позвольте же и мне, в последний раз умоляю вас, скажите, могу я получить от вас сегодня эту обещанную сумму? Если же нет, то когда именно мне явиться за ней?

Хохлакова. Какую сумму, Дмитрий Федорович?

Дмитрий. Обещанные вами три тысячи... которые вы так великодушно...

Хохлакова. Три тысячи? Это рублей? Ох нет, у меня нет трех тысяч.

Дмитрий. Как же вы... сейчас... вы сказали... вы выразились даже, что они все равно как у меня в кармане...

Хохлакова. Ох нет, вы меня не так поняли. Я говорила про прииски...

Дмитрий. А деньги? А три тысячи?

Хохлакова. О, если вы разумели деньги, то у меня их нет. И знаете, Дмитрий Федорович, если б у меня даже и были, я бы вам не дала. Во-первых, я никому не даю займы. Дать займы значит поспориться. Но вам, вам я особенно бы не дала, любя вас, не дала бы, чтобы спасти вас, не дала бы, потому что вам нужно только одно: прииски, прииски и прииски!..

Дмитрий. О, чтобы черт!..

Хохлакова. А-ай!

13. ЧТО С ТОБОЙ?

Ракитин. Что с тобой? Осердился на кого, что ли? Обидели? Или из-за старца своего переживаешь?

Алеша. Отстань!

Ракитин. Ого, вот мы как! Да неужель ты только оттого, что твой старик помер, да провонял? Да неужели же ты верил серьезно, что он чудеса после смерти своей отмачивать начнет?

Алеша. Верил, верую, и хочу веровать, и буду веровать, ну чего тебе!

Ракитин. Да ничего ровно, голубчик. Тебе надо подкрепиться, судя по лицу-то. Ведь ты и ночь не спал, я слышал, заседание у вас там было в монастыре. А потом вся эта возня и мазня... Есть у меня с собой в кармане колбаса, давеча из города захватил на всякий случай, только ведь ты колбасы не станешь...

Алеша. Давай колбасы.

Ракитин. Эге! Так ты вот как! Значит, совсем уж бунт, баррикады! Ну, брат, этим делом пренебрегать нечего. А может... Я бы водочки теперь тяпнул, смерть устал. Водки-то небось не решишься... аль выпьешь?

Алеша. Давай и водки.

Ракитин. Эвона! Чудно, брат! Ну да так или этак, водка иль колбаса, а дело это лихое, хорошее и упускать невозможно. Видел бы это брат Ванечка, так как бы изумился! Знаешь, Алешка, куда мы всего лучше бы теперь пошли?

Алеша. Все равно... куда хочешь.

Ракитин. Пойдем-ка к Грушеньке, а? Пойдешь?

Алеша. Пойдем.

Ракитин. Н-ну!.. Вот! А рада-то как она будет, рада-то...

Грушенька.

Грушенька. Да чего ты грустен сидишь, Алешечка, аль меня боишься? Пустишь меня, Алеша, на колени к себе посидеть, вот так!

Развеселю я тебя, мальчик ты мой богомольный! Нет, в самом деле, неужто позволишь мне на коленках у тебя посидеть, не осердишься?

Ракитин. Да что это у тебя за минута такая, можно спросить, аль секрет?

Грушенька. Эх, не секрет, да и сам ты знаешь, офицер едет, Ракитин, офицер мой едет!

Ракитин. То-то Митенька-то теперь, – уй, уй! Он-то знает аль не знает?

Грушенька. Чего знает! Совсем не знает! Кабы узнал, так убил бы. Да не хочу я ни о чем об этом в эту минуту и думать... Да усмехнись ты на меня, голубчик, развеселись, на глупость-то мою, на радость-то мою усмехнись... А ведь улыбнулся, улыбнулся! Знаешь, Алеша, все думала, что ты на меня сердишься за барышню-то. Зазвала меня, победить хотела, шоколатом своим обольстить... Нет, оно хорошо, что так произошло. Да вот боюсь все, что ты осердился...

Ракитин. Ведь она тебя, Алеша, в самом деле боится, цыпленка этакого.

Грушенька. Это для тебя, он цыпленок... потому что у тебя совести нет! Я, видишь, я люблю его душой, вот что! Веришь, Алеша, что я люблю тебя всею душой?

Ракитин. Ах ты, бесстыдница! Это она в любви тебе, Алексей, объясняется!

Грушенька. А что ж, и люблю.

Ракитин. А офицер? А весточка золотая?

Грушенька. То одно, а это другое.

Ракитин. Вот как по-бабьему выходит!

Грушенька. Не зли меня, Ракитка, то одно, а это другое. Давно я тебя заметила так, Алеша, и Митя знает, ему говорила. Вот Митя так понимает. Люблю я тебя. Ты совесть моя. И как это я об тебе думать стала и с которых пор, не знаю ...

Ракитин. Возбуждена ты, Аграфена Александровна. Бокал выпьешь, танцевать пойдешь. Ну-тка, Алеша, бери бокал, покажи себя.

Алеша. Нет, уж лучше не надо!

Ракитин. А хвалился!

Грушенька. Ну и я, коли так, не буду.

Ракитин. Телячьи нежности пошли! У него, положим, горе, а у тебя что? Он против Бога своего взбунтовался, колбасу собирался жрать...

Грушенька. Что так?

Ракитин. Старец его помер сегодня, старец Зосима, святой. Да и провонял.

Грушенька. Так умер старец Зосима! Господи, а я того и не знала! Да что же я!

Алеша. Ракитин, не дразни меня. Я потерял такое сокровище, какого ты никогда не имел.. Она сейчас пощадила меня... Аграфена Александровна, я про тебя говорю. Я шел сюда злую душу найти – так влекло меня самого к тому, потому что я был подл и зол, а нашел сестру искреннюю, любящую... Ты мне мою душу восстановила.

Ракитин. Точно я в сумасшедший дом попал. Расслабели обоюдно, плакать сейчас начнут!

Грушенька. И начну плакать, и начну плакать! Он меня сестрой своей назвал, и я никогда того впредь не забуду! Вот теперь приехал этот обидчик мой, сижу и жду вести. А знаешь, чем был мне этот обидчик? Пять лет тому как завез меня сюда и бросил – так я сижу,

бывало, тоненькая, глупенькая, сижу да рыдаю, ночей напролет не сплю – думаю: «И уж где ж он теперь, мой обидчик? Смеется, должно быть, с другою надо мной» Так, бывало, и закричу в темноте. Месяц тому приходит ко мне письмо: едет он, со мной повидаться хочет. Дух у меня тогда весь захватило, Господи, да вдруг и подумала: а приедет да свистнет мне, позовет меня, так я как собачонка к нему поползу битая, виноватая! Разрешит ли ты меня, Алеша. Простить мне его или нет?

Алеша. Да ведь уж простила.

Грушенька. А и впрямь простила. Экое ведь подлое сердце! Я, видишь, Алеша, слезы мои полюбила... Я, может, только обиду мою и полюбила, а не его вовсе!

Алеша. Пора, поздно мне.

Грушенька. Да неужто ж ты уходить, Алеша, хочешь!

Ракитин. Не ночевать же ему у тебя?

Грушенька. Молчи, злая душа, никогда ты мне таких слов не говорил, какие он мне пришел сказать.

Ракитин. Что он такое тебе сказал?

Грушенька. Не знаю, сердце он мне перевернул...

Фекла. Барыня, голубушка, барыня, эстафет прискакал! Тарантас из Мокрого за вами. Письмо, письмо, барыня, вот письмо!

Грушенька. Кликнул! Свистнул! Ползи, собачонка! Еду! Прощай, Алеша, решена судьба... Ступайте, ступайте, ступайте от меня теперь все, чтоб я уже вас не видала!.. Полетела Грушенька в новую жизнь...

Дмитрий. Господа, я... я ничего! Не бойтесь, я ведь ничего, ничего. Я... Я тоже еду. Я до утра. Господа, проезжому путешественнику... можно с вами до утра? Только до утра, в последний раз, в этой самой комнате?

Пан Муссялович. Пане, мы здесь приватно.

Дмитрий. Господа, господа, я... Я летел... Я хотел последний день и последний час мой провести в этой комнате, в этой самой комнате... где и я обожал... мою царицу!.. О, не бойтесь, последняя ночь моя! Выпьем, пане, мировую! Сейчас подадут вино... Я привез. Позволь, пане! Я хочу музыки, грому, гаму, всего что прежде... Но червь, ненужный червь проползет по земле, и его не будет! День моей радости помяну в последнюю ночь мою!..

Пан Муссялович. Ежели поволит моя крулева...

Дмитрий. Ну, здравствуй!

Грушенька. Я очень рада, что ты приехал, очень рада, Митя, слышишь ты, что я очень рада? Я хочу, чтоб он сидел здесь с нами. Хочу, хочу! А коли он уйдет, так и я уйду, вот что!

Пан Муссялович. Что изволит моя царица – то закон! Прошу пана до нашей компании!

Грушенька. Выпьем, пане!

Дмитрий. Пан, выпьем, пане! И с другим паном тоже: выпьем, панове! За Польшу, панове, пью за вашу Польшу, за польский край!

Пан Муссялович. Бардзо ми то мило, пане, выпьем.

Дмитрий. За Польшу, панове, ура ! Теперь за Россию, панове, и побратаемся!

Грушенька. Налей и нам, за Россию и я хочу пить.

Катерина Ивановна. И я.

Дмитрий. Все, все! За Россию, ура ! Как же вы, панове? Так вы так-то?

Пан Муссялович. За Россию в пределах до семьсот семьдесят второго года!

Дмитрий. Дурачье же вы, панове!

Пан Муссялович. Па-не!! Але не можно не мець слабосьци до своего краю?

Грушенька. Молчать! Не ссориться! Чтобы не было ссор!

Дмитрий. Простите! Это я виноват, я не буду. Я не буду!..

Грушенька. Да молчи хоть ты-то, садись, экой глупый!

Дмитрий. Ясневельможный, на два слова.

Пан Муссялович. Чем могоен служиць пану?

Дмитрий. А вот чем, пане, я много говорить не буду: вот тебе деньги, хочешь три тысячи, бери и уезжай куда знаешь.

Пан Муссялович. Тржи тысенцы, пане?

Дмитрий. Тржи, панове, тржи! Слушай, пане, вижу, что ты человек разумный. Бери три тысячи и убирайся ко всем чертям. У тебя что там: пальто, шуба? Я тебе вынесу. Сию же секунду тройку тебе заложат и – до видзенья, пане! А?

Пан Муссялович. А рубли, пане?

Дмитрий. Пятьсот рублей сию минуту, а две тысячи пятьсот завтра в городе.

Пан Муссялович. Чи не потшебуешь еще чего? Пфе! А пфе!

Дмитрий. Это ты оттого плюешься, пане, оттого, что от Грушеньки думаешь больше тяпнуть. Каплуны вы оба, вот что!

Пан Муссялович. Едем до живого доткнентным! Пани Агриппина, едем до живого доткнентным!

Грушенька. По-русски, говори по-русски, чтобы ни одного слова польского не было! Говорил же прежде по-русски, неужели забыл в пять лет!

Пан Муссялович. Пани Агриппина...

Грушенька. Я Аграфена, я Грушенька, говори по-русски, или слушать не хочу!

Пан Муссялович. Пани Аграфена, я пшиехал забыть старое и простить его, забыть, что было допрежь сегодня...

Грушенька. Как простить? Это меня-то ты приехал простить?

Пан Муссялович. Так есть, пани (точно так, пани), я не малодушны, я великодушны. Но я былем здзивёны, когда видел твоих любовников. Пан Митя в том покое давал мне тржи тысёнцы, чтоб я отбыл. Я плюнул пану в физию.

Грушенька. Да неужто ж он с тебя денег не взял?

Дмитрий. Да брал же, брал! Да только все три тысячи разом захотел, а я всего семьсот задатку давал.

Грушенька. Ну и понятно: прослышал, что у меня деньги есть, а потому и приехал венчаться!

Пан Муссялович. Пани Агриппина, я рыцарь, я шляхтич, а не лайдак! Я пшибыл взять тебя в супругу, а вижу нову пани, не ту, что прежде, а упарту и без встыду.

Грушенька. А и убирайся откуда приехал! Велю тебя сейчас прогнать, и прогонят! Дура, дура была я, что пять лет себя мучила! Да и не он это вовсе! Разве он был такой? Тот был сокол, а это

селезень. Тот смеялся и мне песни пел... А я-то, я-то пять лет слезами заливалась, дура я проклятая, бесстыжая!

Пан Муссялович. Пани, ежели хцешь исьць за мною, идзьмы, если не – бывай здорова!

Грушенька. Славно! Туда и дорога!

Танцы

Грушенька. Митя, стыд-то какой! Ох, стыдно мне, Митя, стыдно, ох, за всю жизнь мою стыдно! Прощаешь, Митя? Прощаешь меня или нет? Любишь? Любишь? Раба твоя теперь буду, раба на всю жизнь! Сладко рабой быть!.. Целуй! Прибей меня, мучай меня, сделай что надо мной... Я ведь хорошая, я очень хорошая... Ну так вот: почему я такая хорошая? И все кружится, и печка, и все кружится. Плясать хочу. Пусть все смотрят, как я пляшу... как я хорошо и прекрасно пляшу...

Дмитрий. Тебя люблю, тебя одну, в Сибири буду любить...

Грушенька. Зачем в Сибирь? А что ж, и в Сибирь, коли хочешь, все равно... работать будем... в Сибири снег... Я по снегу люблю ехать... и чтобы колокольчик был... Слышишь, звенит колокольчик... Где это звенит колокольчик? Едут какие-то... вот и перестал звенеть. Митя, кто это оттуда глядит сюда?

Дмитрий. Господа... Что это вы, господа? По-ни-маю!

Следователь. Господин отставной поручик Карамазов, я должен вам объявить, что вы обвиняетесь в убийстве отца вашего, Федора Павловича Карамазова, происшедшем в эту ночь...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Хохлакова. Века, века, целые века не видала вас! Милый Алексей Федорович, я вам доверяю мою Лизу вполне. После смерти старца Зосимы – упокой Господи его душу! После него я смотрю на вас как на схимника, хотя вы и премило носите ваш новый костюм. Где это вы достали здесь такого портного? Но нет, нет, это не главное, это потом. Простите, что я вас называю иногда Алешей, я старуха, мне все позволено, но это тоже потом... Видите, я уж совсем теперь сбилась. Я тороплюсь. Почему я тороплюсь? Я не знаю. Для меня все смешалось в какой-то комок. Ах, Боже мой! Этот процесс, этот дикий поступок, и потом все идут в Сибирь, другие женятся, и все это быстро, быстро, и все меняется, и, наконец, ничего, все старики и в гроб смотрят. Ну и пусть, я устала. Эта Катя – *cette charmante personne*,⁴ она разбила все мои надежды: теперь она пойдет за одним вашим братом в Сибирь, а другой ваш брат поедет за ней и будет жить в соседнем городе, и все будут мучить друг друга. Меня это с ума сводит, а главное, эта огласка: во всех газетах в Петербурге и в Москве миллион раз писали. Ах да, представьте себе, и про меня написали, что я была «милым другом» вашего брата, я не хочу проговорить гадкое слово, представьте себе, ну представьте себе!

Алеша. Этого быть не может! Где же и как написали?

Хохлакова. Сейчас покажу. Вчера получила – вчера и прочла. Вот здесь в газете «Слухи», в петербургской «Преступник, которого с таким треском собираются теперь судить, отставной армейский капитан, нахального пошиба, лентяй и крепостник, то и дело занимался амурами и особенно влиял на некоторых «скучающих в

4 эта очаровательная особа (*фр.*) .

одинокости дам». Одна такая дама из «скучающих вдовиц», молодящаяся, хотя уже имеющая взрослую дочь, до того им прельстилась, что всего только за два часа до преступления предлагала ему три тысячи рублей с тем, чтоб он тотчас же бежал с нею на золотые прииски. Но злодей предпочел лучше убить отца и ограбить его именно на три же тысячи, чем тащиться в Сибирь с сорокалетними прелестями своей скужающей дамы».

Алеша. Почему Вы решили, что это о Вас?

Хохлакова. Ну как же не обо мне? Ведь это я, я почти за час предлагала ему золотые прииски, и вдруг «сорокалетние прелести»! Да разве я затем? Это они нарочно!

Алеша. Мне сегодня ужасно как нужно поспеть к брату.

Хохлакова. Именно, именно! Вы мне все напомнили! Помилуйте, у меня Lise совсем помешалась. Зачем она вас позвала? Она вас позвала, или вы сами к ней пришли?

Алеша. Да, она звала, и я пойду сейчас к ней.

Хохлакова. Ах, милый, милый Алексей Федорович, тут-то, может быть, самое главное. Бог видит, что я вам искренно доверяю Lise, и это ничего, что она вас тайком от матери позвала. Но Ивану Федоровичу, вашему брату, простите меня, я не могу доверить дочь мою с такою легкостью. А представьте, он был у Lise, а я этого ничего и не знала.

Алеша. Как? Что? Когда?

Хохлакова. Я вам расскажу, я для этого-то, может быть, вас и позвала. Иван Федорович был у меня. Только не у меня, а у Lise, пришел, просидел пять минут и ушел. А узнала я про это целых три дня спустя от Глафиры, так что это меня вдруг фрапировало. А она мне кричит: «Я ненавижу Ивана Федоровича, я требую, чтобы вы его

не принимали». Теперь, милый Алексей Федорович, на вас все мои надежды, и, конечно, судьба всей моей жизни в ваших руках. Я вас просто прошу пойти к Lise, разузнать у ней все, как вы только один умеете это сделать, и прийти рассказать мне, – мне, матери, потому что, вы понимаете, я умру, я просто умру, если все это будет продолжаться, или убегу из дома.

Алеша. Хорошо, я пойду.

Хохлакова. Так вы узнаете, узнаете, о чем я вас просила? Тут судьба, судьба!

Алеша. Конечно, если только можно... но я так опоздал.

Хохлакова. Нет, наверно, наверно узнайте, а не «если можно», иначе я умру!

16. БЕСЕНОК

Лиза. Как хорошо, что я вам отказала и не буду вашей женой. Вы в мужья не годитесь: я за вас выйду, и вдруг дам вам записку, чтобы снести тому, которого люблю после вас, вы возьмете и непременно отнесете, да еще ответ принесете. И сорок лет вам придет, и вы все так же будете мои такие записки носить.

Алеша. В вас что-то злобное и в то же время что-то простодушное.

Лиза. Простодушное это то, что я вас не стыжусь. Я вас очень люблю, но я вас не уважаю. Если б уважала, ведь не говорила бы не стыдись, ведь так?

Алеша. Так.

Лиза. А верите вы, что я вас не стыжусь?

Алеша. Нет, не верю.

Лиза. Алеша, знаете, какой вы хорошенький! Я вас ужасно буду любить за то, что вы так скоро позволили мне вас не любить.

Алеша. Вы для чего меня сегодня звали, Lise?

Лиза. Мне хотелось вам сообщить одно мое желание. Я хочу, чтобы меня кто-нибудь истерзал, женился на мне, а потом истерзал, обманул, ушел и уехал. Я не хочу быть счастливою!

Алеша. Полюбили беспорядок?

Лиза. Ах, я хочу беспорядка. Я все хочу зажечь дом. Я воображаю, как это я подойду и зажгу потихоньку, непременно чтобы потихоньку. Они-то тушат, а он-то горит. А я знаю, да молчу. Ах, глупости! И как скучно!

Алеша. Богато живете.

Лиза. Лучше, что ль, бедной-то быть?

Алеша. Лучше.

Лиза. Это вам ваш монах наговорил. Это неправда. Пусть я богата, а все бедные, я буду конфеты есть и сливки пить, а тем никому не дам. Ах, не говорите, не говорите ничего, – замахала она ручкой, хотя Алеша и рта не открывал, – вы мне уж прежде все это говорили, я все наизусть знаю. Скучно. Если я буду бедная, я кого-нибудь убью, – да и богата если буду, может быть, убью, – что сидеть-то!

Вы ужасно сердитесь, что я не про святое говорю. Я не хочу быть святою. Что сделают на том свете за самый большой грех? Вам это должно быть в точности известно.

Алеша. Бог осудит.

Лиза. Вот так я и хочу. Я бы пришла, а меня бы и осудили, а я бы вдруг всем им и засмеялась в глаза. Я ужасно хочу зажечь дом, Алеша, наш дом, вы мне все не верите?

Алеша. Вы злое принимаете за доброе: это минутный кризис, в этом ваша болезнь, может быть, виновата.

Лиза. А вы таки меня презираете! Я просто не хочу делать доброе, я хочу делать злое, а никакой тут болезни нет.

Алеша. Зачем делать злое?

Лиза. А чтобы нигде ничего не осталось. Ах, как бы хорошо, кабы ничего не осталось! Знаете, Алеша, я иногда думаю наделать ужасно много зла и всего скверного, и долго буду тихонько делать, и вдруг все узнают. Все меня обступят и будут показывать на меня пальцами, а я буду на всех смотреть. Это очень приятно. Почему это так приятно, Алеша?

Алеша. Есть минуты, когда люди любят преступление.

Лиза. Да, да! Вы мою мысль сказали, любят, все любят и всегда любят, а не то что «минуты». Знаете, в этом все как будто когда-то условились лгать и все с тех пор лгут. Все говорят, что ненавидят дурное, а про себя все его любят. Послушайте, теперь вашего брата судят за то, что он отца убил, и все любят, что он отца убил.

Алеша. Любят, что отца убил?

Лиза. Любят, все любят! Все говорят, что это ужасно, но про себя ужасно любят. Я первая люблю.

Алеша. В ваших словах есть несколько правды.

Лиза. Ах, какие у вас мысли! Это у монаха-то! Я ведь одному вам говорю. Вам одному в целом мире. Алеша, почему я вас совсем не стыжусь, совсем? Алеша, правда ли, что жида на Пасху детей крадут и режут?

Алеша. Не знаю.

Лиза. Вот у меня одна книга, я читала про какой-то где-то суд, и что жид четырехлетнему мальчику сначала все пальчики обрезал на обеих ручках, а потом распял на стене, прибил гвоздями и распял, а потом на суде сказал, что мальчик умер скоро, чрез четыре часа. Эка скоро! Говорит: стонал, все стонал, а тот стоял и на него любовался. Это хорошо!

Алеша. Хорошо?

Лиза. Хорошо. Я иногда думаю, что это я сама распяла. Он висит и стонет, а я сяду против него и буду ананасный компот есть. Я очень люблю ананасный компот. Вы любите? Утром я послала письмо к одному человеку, чтобы *непрерменно* пришел ко мне. Он пришел, а я ему вдруг рассказала про мальчика и про компот, *все* рассказала, *все*, и сказала, что «это хорошо». Он вдруг засмеялся и сказал, что это в самом деле хорошо. Затем встал и ушел. Всего пять минут сидел. Презирал он меня, презирал? Говорите, говорите, Алеша, презирал он меня или нет?

Иван. Он никого не презирает. Он только никому не верит. Коль не верит, то, конечно, и презирает.

Лиза. Стало быть, и меня? Меня?

Алеша. И вас.

Лиза. Это хорошо. Когда он вышел и засмеялся, я почувствовала, что в презрении быть хорошо. И мальчик с отрезанными пальчиками хорошо, и в презрении быть хорошо... Знаете, Алеша, знаете, я бы хотела... Алеша, спасите меня! Спасите меня. Разве я кому-нибудь в мире скажу, что вам говорила? Я убью себя, потому что мне все гадко! Я не хочу жить, потому что мне все гадко! Мне все гадко, все гадко! Алеша, зачем вы меня совсем, совсем не любите!

Алеша. Я люблю!

Лиза. А будете обо мне плакать, будете?

Алеша. Буду.

Лиза. А все остальные пусть казнят меня и раздавят ногой, все, все, не исключая *никого* ! Потому что я не люблю никого. Слышите, никого! Напротив, ненавижу! Ступайте, Алеша, вам пора к брату!

Алеша. Как же вы останетесь?

Лиза. Ступайте к брату, ступайте, вот ваша шляпа! Поцелуйте Митю, ступайте, ступайте!

Лиза отдает Алеше конверт. Алеша читает на конверте адрес.

Алеша. Ивану Федоровичу Карамазову.

Лиза. Передайте, непременно передайте! Сегодня, сейчас! Иначе я отравлюсь! Я вас затем и звала!

Лиза, приотворила дверь, вложила в щель свой палец и, захлопнув дверь, изо всей силы придавила его. Высвободив руку, она тихо, медленно прошла и стала пристально смотреть на свой почерневший палец.

Лиза. Подлая, подлая, подлая, подлая!

17. РАЗГОВОР СО СМЕРДЯКОВЫМ

Иван. Что смотришь и молчишь? Была у тебя барыня, Катерина Ивановна?

Смердяков. Ну, была, ну и все вам равно. Отстаньте-с.

Иван. Нет, не отстану! Говори, когда была?

Смердяков. Да я и помнить об ней забыл. Вы, кажись, больны, ишь осунулись, лица на вас нет.

Иван. Оставь мое здоровье, говори, об чем спрашивают.

Смердяков. Чего вы все беспокоитесь? Это что суд-то завтра начнется? Так ведь ничего вам не будет, уверьтесь же наконец!

Иван. Не понимаю я тебя... чего мне бояться завтра?

Смердяков. Не по-ни-маете? Охота же умному человеку этакую комедь из себя представлять! Говорю вам, нечего вам бояться. Ничего на вас не покажу, нет улик, не вы убили .

Иван. Я знаю, что не я...

Смердяков. Зна-е-те?

Иван. Говори все, гадина! Говори все!

Смердяков. Ан вот вы-то и убили, коль так.

Иван. Ты сумасшедший.

Смердяков. Не надоест же человеку! С глазу на глаз сидим, чего бы, кажется, друг-то друга морочить, комедь играть? Али все еще свалить на одного меня хотите, мне же в глаза? Вы убили, вы главный убивец и есть, а я только вашим приспешником был, слугой Личардой верным, и по слову вашему дело это и совершил.

Иван. Совершил? Да разве ты убил?

Смердяков. Да неужто ж вы вправду ничего не знали?

Иван. Знаешь что: я боюсь, что ты сон, что ты призрак предо мной сидишь?

Смердяков. Никакого тут призрака нет-с, кроме нас обоих-с, да еще некоторого третьего. Без сумления, тут он теперь, третий этот, находится, между нами двумя.

Иван. Кто он? Кто находится? Кто третий?

Смердяков. Третий этот – Бог-с, самое это Провидение-с, только вы не ищите его, не найдете.

Иван. Ты солгал, что ты убил! Ты или сумасшедший, или дразнишь меня!

Смердяков. Подождите-с. *(снимает чулок с ноги)*

Иван. Сумасшедший!

Смердяков. *(достает из чулка пачку денег)* Вот-с!

Иван. Что?

Смердяков. Извольте взглянуть-с. Пальцы-то у вас все дрожат-с, в судороге. Все здесь-с, все три тысячи, хоть не считайте. Примите

Иван. Ты меня испугал... с этим чулком...

Смердяков. Неужто же, неужто вы до сих пор не знали?

Иван. Нет, не знал. Я все на Дмитрия думал. Слушай: ты один убил? Без брата или с братом?

Смердяков. Всего только вместе с вами-с; с вами вместе убил-с, а Дмитрий Федорович как есть безвинны-с.

Иван. Хорошо, хорошо... Обо мне потом. Чего это я всё дрожу... Слова не могу выговорить.

Смердяков. Всё тогда смелы были-с, «все, дескать, позволено», говорили-с, а теперь вот так испугались! Лимонаду не хотите ли, сейчас прикажу-с. Очень освежить может.

Иван. Не хочу лимонаду. Обо мне потом. Садись и говори: как ты это сделал?

Подробности, главное подробности. Прошу.

Смердяков. Вы уехали, я упал тогда в погреб-с...

Иван. В падучей или притворился?

Смердяков. Понятно, что притворился-с. Во всем притворился. С лестницы спокойно сошел-с, в самый низ-с, и спокойно лег-с, а как лег, тут и завопил. И бился, пока вынесли.

Иван. Положили меня на эту койку-с, я так и знал, что за перегородку-с. Ночью стонал-с, только тихо. Все ожидал Дмитрия Федоровича, что они Федора Павловича убьют-с... это наверно-с. Я так их и ожидал-с.

Иван. Стой... я путаюсь. Стало быть, все же Дмитрий убил, а ты только деньги взял?

Смердяков. Нет, это не они убили-с. Не хочу я теперь пред вами лгать, потому... потому что про убийство вы знали-с и мне убить поручили-с, а сами, все знавши, уехали. Вы жажду имели к смерти родителя, и вот вам слово.

Иван. Продолжай дальше, продолжай про ту ночь.

Смердяков. Дальше что же-с! Вот я лежу и слышу, как будто вскрикнул барин... Встал наконец и пошел-с и у стены на Григория Васильевича лежащего и наткнулся, весь в крови лежит, в бесчувствии. У меня аж дух занялся. Пришел опять под окно к барину и говорю: «Она здесь, пришла, Аграфена Александровна пришла, просится». Отворили. Я вошел. «Где она, где она?» «Да там, там она под окном, как же вы, говорю, не видели?» «Грушенька, кричит, Грушенька, здесь ты?» и высунулся в окно. Я тут схватил это самое пресс-папье чугунное, на столе у них, размахнулся, да сзади его в самое темя. Не крикнул даже. Воротился к себе на кровать, лег да начал я тогда стонать. Ну, тут-с все это и пошло на всю ночь, я уж во всем успокоен был.

Иван. Слушай, несчастный, презренный ты человек! Неужели ты не понимаешь, что если я еще не убил тебя до сих пор, то потому только, что берегу тебя на завтрашний ответ на суде. Я все скажу, все. Но и ты должен пред судом сознаться! Должен, должен, вместе пойдем! Так и будет!

Смердяков. Больны вы, я вижу-с, совсем больны-с. Желтые у вас совсем глаза-с.

Иван. Слушай, эти деньги ты показал мне теперь, конечно, чтобы меня убедить.

Смердяков. Эти деньги с собою возьмите-с и унесите.

Иван. Конечно, унесу! Но почему же ты мне отдаешь, если из-за них убил?

Смердяков. Не надо мне их вовсе-с. Была такая прежняя мысль-с, что с такими деньгами жизнь начну, в Москве али пуще того за границей, такая мечта была-с, а пуще все потому, что «все позволено». Это вы вправду меня учили-с, ибо много вы мне тогда этого говорили: ибо коли Бога бесконечного нет, то и нет никакой добродетели, да и не надобно ее тогда вовсе. Это вы вправду. Так я и рассудил.

Иван. Своим умом дошел? Своим!

Смердяков. Вашим руководством-с.

Иван. А теперь, стало быть, в Бога уверовал, коли деньги назад отдаешь?

Смердяков. Нет-с, не уверовал-с.

Иван. Так зачем отдаешь?

Смердяков. Полноте... нечего-с! Вы вот сами тогда все говорили, что все позволено, а теперь-то почему так встревожены, сами-то-с?

Показывать на себя даже хотите идти... Только ничего того не будет!
Не пойдете показывать!

Иван. Увидишь!

Смердяков. Не может того быть. Не захотите вы жизнь навеки испортить, такой стыд на суде приняв. Вы как Федор Павлович, наиболее-с, изо всех детей наиболее на него похожи вышли, с одною с ними душой-с.

Иван. Ты не глуп, я прежде думал, что ты глуп. Ты теперь серьезен!

Смердяков. От гордости вашей думали, что я глуп. Примите деньги-с.

Иван. Завтра их на суде покажу.

Смердяков. Никто вам там не поверит-с.

Иван. Повторяю тебе, если не убил тебя, то единственно потому, что ты мне на завтра нужен, помни это, не забывай!

Смердяков. А что ж, убейте-с. Убейте теперь. Не посмеете и этого-с, ничего не посмеете, прежний смелый человек-с!

Иван. До завтра!

Смердяков. Постойте... покажите мне их еще раз. Ну, ступайте, Иван Федорович!

Иван. Чего тебе?

Смердяков. Прощайте-с!

Иван. До завтра!

Председатель. Вы имеете предъявить какое-нибудь особое сообщение? Вы... может быть, еще не так здоровы?

Иван. Не беспокойтесь, ваше превосходительство, я достаточно здоров и могу вам кое-что рассказать любопытное.

Председатель. Знали ли вы о счетах Дмитрия с отцом?

Иван. Нет, не знал. И не занимался этим.

Председатель. Слышали ли Вы как ваш брат Дмитрий Федорович угрожал убить отца?

Иван. Слышал от него лично.

Председатель. А откуда вам стало известно о деньгах, которые ваш отец хранил в комнате?

Иван. Про деньги в пакете слышал от Смердякова... Все одно и то же.

Председатель. Я вижу, вы не здоровы, и понимаю ваши чувства...

Иван. Я, ваше превосходительство, как та крестьянская девка... знаете, как это: «Захоцу – вскоцу, захоцу – не вскоцу». За ней ходят с сарафаном али с паневою, что ли, чтоб она вскочила, чтобы завязать и венчать везти, а она говорит: «Захоцу – вскоцу, захоцу – не вскоцу»... Это в какой-то нашей народности...

Председатель. Что вы этим хотите сказать?

Иван. А вот, вот деньги... те самые, которые лежали вот в том пакете и из-за которых убили отца. Куда положить? Господин судебный пристав, передайте.

Председатель. Каким образом могли эти деньги очутиться у вас... если это те самые деньги?

Иван. Получил от Смердякова, от убийцы, вчера. Был у него пред тем, как он повесился. Убил отца он, а не брат. Он убил, а я его научил убить... Кто не желает смерти отца?..

Председатель. Вы в уме или нет?

Иван. То-то и есть, что в уме... и в подлом уме, в таком же, как и вы, как и все эти... р-рожи! Убили отца, а притворяются, что испугались. Друг пред другом кривляются. Лгуны! Все желают смерти отца. Один гад съедает другую гадину... Не будь отцеубийства – все бы они рассердились и разошлись злые... Зрелищ! «Хлеба и зрелищ!» Впрочем, ведь и я хорош! Есть у вас вода или нет, дайте напиться, Христа ради!

Алеша. Он болен, не верьте ему, он в белой горячке!

Иван. Успокойтесь, не помешанный, я только убийца! С убийцы нельзя же спрашивать красноречия...

Председатель. Свидетель, ваши слова непонятны и здесь невозможны. Успокойтесь, если можете, и расскажите... если вправду имеете что сказать. Чем вы можете подтвердить такое признание... если вы только не бредите?

Иван. То-то и есть, что не имею свидетелей. Собака Смердяков не пришлет с того света вам показание... в пакете. Вам бы все пакетов, довольно и одного. Нет у меня свидетелей... Кроме только разве одного.

Председатель. Кто ваш свидетель?

Иван. С хвостом, ваше превосходительство, не по форме будет! Ну, берите же меня вместо него! Для чего же nibудь я пришел... Отчего, отчего это все, что ни есть, так глупо!.. Это что еще такое?

Бьет пристава

Катерина Ивановна. Я должна сообщить еще одно показание, немедленно... немедленно!.. Вот бумага, письмо... возьмите, прочтите скорее, скорее! Это письмо этого изверга, вот этого, этого! Это он убил отца, вы увидите сейчас, он мне пишет, как он убьет отца! А тот больной, больной, тот в белой горячке! Я уже три дня вижу, что он в горячке!

Председатель. Вы успокоились? Вы можете объяснить суду, что это за письмо и как вы его получили?

Катерина Ивановна. Я получила его накануне самого преступления. Еще за три недели до того, как убил отца, он пришел ко мне утром. Я знала, что ему надо деньги, я в глаза ему прямо говорила: «Тебе надо денег для измены мне с твоею тварью, так вот тебе эти деньги, я сама тебе их даю, возьми, если ты так бесчестен, что возьмешь!..» В глаза ему глядела, и он мне глядел в глаза и все понимал, все понимал, и взял, и взял, и унес мои деньги!

Дмитрий. Понимал, и все-таки взял! Презирайте меня, презирайте подлеца!

Председатель. Подсудимый, еще слово – я вас велю вывести.

Катерина Ивановна. Эти деньги его мучили, он хотел мне их отдать, он хотел, это правда, но ему деньги нужны были и для этой твари. Вот он и убил отца, а денег все-таки мне не отдал, а уехал с ней в ту деревню, где его схватили. Прочтите, прочтите внимательно, и вы увидите, что он в письме все описал, все заранее: как убьет отца и где у того деньги лежат.

Председатель. Обвиняемый, признаете ли вы это письмо?

Дмитрий. Мое, мое! Не пьяный бы не написал!.. За многое мы друг друга ненавидели, Катя, но клянусь, клянусь, я тебя и ненавидя любил, а ты меня – нет!

Катерина Ивановна. Да, да, я давеча солгала, все лгала, против чести и совести, но я хотела спасти его, потому что он меня так ненавидел и так презирал. О, он презирал меня ужасно, презирал всегда, и знаете, знаете – он презирал меня с самой той минуты, когда я ему тогда в ноги за эти деньги поклонилась. Я пробовала победить его моею любовью, любовью без конца, даже измену его хотела снести, но он ничего, ничего не понял. Да разве он может что-нибудь понять! А Митя себя измучил, О, это глубокая, глубокая совесть! Он не мог снести, что его брат – отцеубийца! А вчера он узнал, что Смердяков умер – это его так поразило, что он сошел с ума... и все от изверга, все на том, чтобы спасти изверга!

Грушенька. Митя! Погубила тебя твоя змея! Вон она вам себя показала!

Председатель звонит в колокольчик.

19. В КАМЕРЕ

Дмитрий. А как они в суде-то подвели? Ведь как подвели!

Алеша. Если б и не подвели, все равно тебя б осудили.

Дмитрий. Алеша, зарежь меня сейчас! Придет она или нет, говори! Что сказала?

Алеша. Сказала, что придет, но не знаю, сегодня ли. Трудно ведь ей!

Дмитрий. Еще бы, еще бы не трудно! Господи, смири меня: чего требую? Катю требую! Нет, к страданию я не способен! Подлец, и все сказано!

Алеша. Вот она!

Дмитрий. Простила или нет? Слышишь, что спрашиваю, слышишь!

Катерина Ивановна. За то и любила тебя, что ты сердцем великодушен! Да и не надо тебе мое прощение, а мне твое; все равно, простишь аль нет, на всю жизнь в моей душе язвой останешься, а я в твоей – так и надо... И ты теперь любишь другую, и я другого люблю, а все-таки тебя вечно буду любить, а ты меня, знали ты это? Слышишь, люби меня, всю твою жизнь люби!

Дмитрий. Веришь, что я убил? Знаю, что теперь не веришь, но тогда... когда показывала... Неужто, неужто верила!

Катерина Ивановна. И тогда не верила! Никогда не верила! Ненавидела тебя и вдруг себя уверила, вот на тот миг... Когда показывала... уверила и верила... а когда кончила показывать, тотчас опять перестала верить. Пусти меня, я еще приду, теперь тяжело!..

В комнату входит Грушенька.

Катерина Ивановна. Простите меня!

Грушенька. Злы мы, мать, с тобой! Обе злы! Где уж нам простить, тебе да мне? Вот спаси его, и всю жизнь молиться на тебя буду.

Катерина Ивановна уходит.

Дмитрий. И ты могла не простить, после того как она сама тебе сказала: «Прости»?

Грушенька. Уста ее говорили гордые, а не сердце. Избавит тебя – все прощу...

20. АФФЕКТ

Хохлакова. Послушайте, что такое аффект?

Алеша. Какой аффект?

Хохлакова. Судебный аффект. Такой аффект, за который все прощают. Что бы вы ни сделали – вас сейчас простят.

Алеша. Да вы про что это?

Хохлакова. Вы знаете, что приехал доктор? Ну как вам не знать, который узнает сумасшедших, вы же и выписали, то есть не вы, а Катя. Все Катя! Ну так видите: сидит человек совсем не сумасшедший, только вдруг у него аффект. Он и помнит себя и знает, что делает, а между тем он в аффекте. Ну так вот и с Дмитрием Федоровичем, наверно, был аффект. Это как новые суды открыли, так сейчас и узнали про аффект. Это благодеяние новых судов. Доктор этот был и спрашивает меня про тот вечер, ну про золотые прииски: каков, дескать, он тогда был? Как же не в аффекте – пришел и кричит: денег, денег, три тысячи, давайте три тысячи, а потом пошел и вдруг убил. Не хочу, говорит, не хочу убивать, и вдруг убил.

Алеша. Да зачем, зачем?

Хохлакова. А получил аффект. А что он говорит сам, что не убил, так этого он, может, и не помнит. Нет, пусть они его простят; это так гуманно, и чтобы видели благодеяние новых судов, а я-то и не знала, а говорят, это уже давно, и как я вчера узнала, то меня это так поразило, что я тотчас же хотела за вами послать; и потом, коли его простят, то прямо его из суда ко мне обедать, а я созову знакомых, и мы выпьем за новые суды. А главное, кто ж теперь не в аффекте, вы, я – все в аффекте, и сколько примеров: сидит человек, поет романс, вдруг ему что-нибудь не понравилось, взял пистолет и убил кого попало, а затем ему все прощают. Я это недавно читала, и все доктора подтвердили. Доктора теперь подтверждают, все подтверждают.

21. Эпилог.

Карамазов. Иван, говори: есть Бог или нет? Только серьезно! Мне надо теперь серьезно.

Иван. Нет, нету Бога.

Карамазов. Алешка, есть Бог?

Алеша. Есть.

Карамазов. Иван, а бессмертие есть, ну там какое-нибудь, ну хоть маленькое, малюсенькое?

Иван. Нет и бессмертия.

Карамазов. Никакого?

Иван. Никакого.

Карамазов. То есть совершеннейший нуль или нечто? Может быть, нечто какое-нибудь есть? Все же ведь не ничто!

Иван. Совершенный нуль.

Карамазов. Алешка, есть бессмертие?

Алеша. Есть.

Карамазов. А Бог и бессмертие?

Алеша. И Бог, и бессмертие. В Боге и бессмертие.

Карамазов. Гм. Вероятнее, что прав Иван. Господи, подумать только о том, сколько отдал человек веры, сколько всяких сил даром на эту мечту, и это столько уж тысяч лет! Кто же это так смеется над человеком? Иван?

Иван. Черт, должно быть.

Карамазов. А черт есть?

Иван. И черта нет.

Смердяков. Свет создал Господь Бог в первый день, а солнце, луну и звезды на четвертый. Откуда же свет-то сиял в первый день?

Смердяков хохочет

Занавес.

© Инсценировка Романа Мархолия